

МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

У Р Н А Л

3 • 2008

ЯРОСЛАВСКАЯ
И РОСТОВСКАЯ
ЕПАРХИЯ

С. 50

Ж
У Р Н А Л

МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

3 • 2008

Царю Небесный,
Утешителю, Душе истины,
Иже везде сый и вся исполняя,
Сокровище благих и жизни Подателю,
прииди и вселися в ны,
и очисти ны от всякия скверны,
и спаси, Блаже, души наша

с. 6

с. 24

с. 32

с. 36

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

- Служения Святейшего Патриарха Алексия 6
- Встречи Святейшего Патриарха Алексия с государственными, общественными и религиозными деятелями. 14
- Визит Предстоятеля Русской Православной Церкви в Новгородскую епархию 24
- Празднование 15-летия ПСТГУ 32
- Всероссийская конференция «Государственные образовательные стандарты нового поколения в контексте формирования нравственных и духовных ценностей обучающихся» 36
- О перспективах изучения православной культуры и духовно-нравственного образования в российской школе
Доклад митрополита Калужского и Боровского Климента, Управляющего делами Московской Патриархии. 40
- Православная традиция и современные реалии в российской школе XXI века
Доклад протоиерея Бориса Даниленко, директора Синодальной библиотеки 44

Из жизни епархий

- Священник Александр Парфенов, Ю. Стихарева*
Ярославская епархия: история и современность 50

ПРОПОВЕДЬ

- Иеромонах Евфимий (Моисеев)*
О преданности воле Божией и следовании Божественному призванию.
Проповедь в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. 88

Юридические консультации

- К. Чернега*
Комментарий к законопроекту 92

Эти два часа в неделю просто вводятся в базовый учебный план на протяжении всех лет обучения в школе.

Предлагаемая модель – вполне ясная, понятная, открытая, учитывающая интересы всех. Она полностью соответствует демократическим ценностям и нормам, исключает конфликты и взаимные подозрения. Также очень важно отметить, что она может быть реализована на единой основе по всей России, во всех субъектах Российской Федерации. Это будет реально укреплять единство образовательного пространства в нашей стране, а значит, и единство Российского государства, будет способствовать соблюдению равноправия российских граждан, их детей вне зависимости от региона проживания.

Бесспорно, введение предложенной нами модели, представленной концепции потребует времени и серьезной работы. Но если мы берем ее за основу, а цель нашего заседания именно в том, чтобы определиться с путем, по которому мы пойдём, мы получаем ясную перспективу.

Завершая свой доклад, еще раз отмечу следующее. Попытки измыслить не-

кий единый для всех школьников курс духовно-нравственной культуры на размытой мировоззренческой основе – это путь в никуда. Общие гражданские ценности, российский патриотизм у детей школы должна воспитывать, и она их воспитывает при изучении детьми основных гуманитарных предметов – истории, обществознания, литературы и так далее. Делать это надо лучше, никто с этим не спорит, но не за счет размывания различий между религиями, верующими и неверующими.

Призываю всех участников конференции к активной работе. Желательно, чтобы мы в результате приняли согласованное решение. Уверен, что такое решение будет в интересах всех, кто болеет душой за наше будущее, за будущее детей и молодежи в нашем обществе, за нашу общую страну и государство.

Хотелось бы также верить, что и все имевшиеся до сих пор препятствия на пути развития духовно-нравственного образования в российской школе мы с Божией помощью успешно преодолеем.

Благодарю за внимание!

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ XXI ВЕКА

*Доклад протоиерея Бориса Даниленко,
директора Синодальной библиотеки*

*Люди истинно благочестивые и лобомудрые
должны уважать и любить только истину
и отказываться от последования мнениям предков,
когда они худы: такова обязанность, внушаемая разумом.*

Святой мученик Иустин Философ¹

Всякий раз, когда речь заходит о преемственности и инновациях в образовании, возникает необходимость отделить то, что стало «классическим наследием», «нашим богатством», от того, что относится к разряду «предрассудков и пережитков прошлого»². Сделать это

иногда сложно, а иногда почти невозможно. Однако, когда приходится говорить о встрече современной российской школы с православной традицией, все мы – педагоги, пастыри и родители понимаем, что этой трудной теме нам не миновать.

Исторический путь, проделанный отечественной школой до известного момента, ознаменованного началом реализации плана по разрушению до основания «мира насилия» и строительством «нового мира», всегда был связан с принципами евангельского учения. Сами понятия книжности и школы на Руси, так же как и во всем славянском мире, были сопряжены с распространением христианства. Становление принципов отечественной педагогики и народного просвещения происходило в сотрудничестве школы и Церкви. Образовательная практика дореволюционной России основывалась на возможности получения основных знаний в системе церковных начальных школ. В XIX веке дело дошло до жарких дискуссий по поводу того, кому же должны они подчиняться – Министерству народного просвещения или Ведомству православного исповедания. Вместе с тем становление Духовной школы (вплоть до высшего ее звена – академии) в России по времени опередило становление профессиональных военной и статской школ. Среднее ее звено (Духовная семинария) на протяжении многих десятилетий давало отечеству людей, способных заниматься интеллектуальным трудом в самых различных сферах, в том числе и образовательной.

Мы не склонны идеализировать дореволюционную образовательную систему в целом. При высочайшем уровне высшей профессиональной школы, а также среднего гимназического и реального образования, царская Россия так и не смогла добиться всеобщей грамотности, за исключением успехов на этом поприще на территории отдельных губерний (например, в Финляндии). Образованность для гражданина Российской Империи в начале XX века оставалась, как правило, сословной привилегией. Однако следует заметить, что многие современные исследователи связывают массовую народную безграмотность в России как раз с отсутствием должного христианского образования, основой которого является изучение библейского текста, в чем преуспел к тому времени протестантский мир.

Первые годы советской власти были ознаменованы призывами «всеобща» на

борьбу с безграмотностью. Закрепленный законодательно, разрыв школы и Церкви не помешал поначалу новой власти опираться в деле образования на старые кадры, в том числе на выпускников Духовных академий и семинарий.

Репрессии 20-х и 30-х годов прошлого века коснулись представителей различных сословий дореволюционной России. Сейчас много говорится о массовых казнях русского православного духовенства, но при этом, как правило, забывают о том, что, истребляя клириков как носителей чуждой идеологии, представители советской репрессивной машины губили и отечественную школу. Дело в том, что до 1917 года служение алтарю Господню и преподавание в народной школе осуществлялось зачастую выходцами из одних и тех же семей. Именно «братья и сестры», и в данном случае это не гомилетический оборот речи, учили и в храме, и в школе. «Колокольное дворянство», как шутливо именовали себя сами выходцы из духовного сословия дореволюционной России, было той частью русской интеллигенции, которая была ближе всего к простому люду, в первую очередь к деревенскому. Сельский священник, так же как и сельский учитель, прекрасно знал

жизнь российской глубинки, так как сам в ней вырос, от нее напитался живительными соками любви к отечеству. Он не воспринимался своими прихожанами-односельчанами как чужак. Не только «пастырское душепопечение» в собственном смысле составляло круг его обязанностей. К нему шли не только за духовным наставлением – часто требовалась помощь в житейских коллизиях, практический совет, материальная поддержка. Наименование священника у нас в России «батюшкой» было, пожалуй, не просто оправдано многовековым служением русского православного духовенства своему народу, но и являлось высокой наградой за его отеческую самоотверженность.

Между тем разрушение многовековых российских устоев с середине 1930-х годов принесло недобрые плоды. Новое поколение, выросшее при советской власти, уже не знало религиозного воспитания, а образовывалось на принципах, чуждых религиозному мировосприятию. Именно тогда наука была противопоставлена религии, а повсеместное разрушение православных храмов было призвано на семантическом уровне свидетельствовать о победе материализма. В массовом сознании укоренилась синонимическая пара «материалистическое – научное». Нематериалистическая наука чаще всего отрицалась как несуществующая, в лучшем случае ей разрешалось называться «буржуазной наукой». Говорить о христианской науке и тем более о науке православной уже не приходилось. Все эти идеологические ограничения, конечно, сразу же отразились на жизни и состоянии отечественной школы. Но изменить российскую образовательную систему для размещения в ней «нового социального заказа» можно было только изменив ее кадровый состав. До некоторых пор школьными учителями в России были в основном мужчины.

Можно со всей определенностью отметить начавшуюся в середине 1930-х годов феминизацию учительского состава советской школы. Правда, в наше время мало кто задумывается над тем, почему тяжелая профессия школьного учителя в советской России сделалась женской. Статистика репрессий на территории ря-

да северных областей европейской части России убеждает нас в том, что в 20–30-е годы прошедшего века государственными органами велось целенаправленное истребление сельской интеллигенции, представленной в подавляющем большинстве детьми православного духовенства³. При этом в первую очередь уничтожались священнослужители и школьные учителя мужского пола, то есть те, кто пользовался в силу традиционного уклада Русского Севера особым доверием у простого люда.

Для нас эта кровавая страница российской истории является одним из неоспоримых свидетельств общности школы и Церкви в отечественной традиции.

Школьники, как известно, способны задавать своим родителям и учителям трудные вопросы. Целую группу таких вопросов можно свести к одному: «Почему скелеты полуразрушенных православных храмов можно в изобилии встретить у нас в российской глубинке и неподалеку от столицы – на Смоленщине, Вологодчине или в Подмосковье, но не найти подобных «артефактов» на земле Баварии, Богемии или Фландрии?» На этот «российский вопрос» нельзя дать ответ без учета всего, что было сказано выше. И наверное, нам, взрослым гражданам России, должно быть стыдно перед детьми за наше видимое поправление той связи школы и Церкви, которая представляется очевидной на путях отечественной истории.

В свое время академик Б. А. Рыбаков, утверждавший на протяжении многих лет, что «Слово о полку Игореве» начисто лишено христианских аллюзий и контаминаций, автором его является язычник, а не православный человек⁴, не находил каких-либо оппонентов из числа своих советских коллег. Правда, уже в период празднования 1000-летия Крещения Руси молчаливое «табу» на полемику по этому вопросу было снято. «Перестройка» принесла первые мировоззренческие плоды. Вспомнили о «Богородице Пирогощей» и о многих других местах «Слова», указывающих на реалии православной жизни в Киевской Руси XII века.

К сожалению, не наши соотечественники, а известный немецкий славист Людольф Мюллер⁵ первым указал на неправомерность суждений видного представителя советской исторической науки, который, к слову сказать, когда-то был послушником в одном из православных монастырей... Мы сейчас говорим о ситуации с «самым любимым светским произведением древнерусской литературы» не случайно. Ведь вся эта история является своеобразной парадигмой для происходящего сегодня в российской школе. Попытка представить юным россиянам русскую литературу в целом как явление не только существующее, но и возникшее вне православного контекста, *дает результаты в виде* целого ряда учебников, допущенных к использованию в общеобразовательной школе. Чего стоит хотя бы гирлянда учебных пособий по литературе, подготовленных Е. В. и Р. Н. Бунеевыми⁶ в рамках программы «Школа XXI века»! Трудно поверить, что авторы подобных пособий действуют в соответствии со своими научными убеждениями, а не пытаются вполне сознательно завуалировать истинное положение дел, создать у учащихся ложное представление о духовном фундаменте нашей национальной культуры, руководствуясь мотивами, о которых мы, непосвященные, можем лишь гадать. Неужели, как в случае с академиком Б. А. Рыбаковым, нужен голос представителей мирового научного сообщества для отрезвления тех, кого в образовательной системе современной России устраивает такое положение дел, или все же отечественное сообщество педагогов способно разобраться с этой ситуацией своими силами?

В сегодняшней России действует одна из лучших в мире систем музыкального образования. От первых классов детских музыкальных школ до последних курсов консерваторий на основании самых действенных методик, апробированных временем, ведется подготовка музыкантов, которые впоследствии становятся способными завоевать мировое признание, стяжав тем самым честь и славу России. Но вот для жизни сегодняшней российской общеобразовательной школы это не имеет особого значения. Есть в ней такой учеб-

ный предмет – «музыка». Трудно сказать, чему учат детей в рамках этого предмета. Но со всей определенностью можно заметить, что на них не учат основам музыкальной грамоты и гармонии, не прививают навыков практического музицирования, как сольного, так и в ансамбле, и что совсем удивительно, даже не пытаются научить ребенка хоть немного петь. Но средства на этот предмет выделяются весьма значительные – пишутся методические руководства, учебные пособия, ведется подготовка (точнее переподготовка) преподавателей, в чьих вузовских дипломах в качестве основной специальности стоят отнюдь не музыкальные дисциплины. Беда в том, что всем этим занимаются люди, не имеющие прямого отношения к музыкально-педагогической традиции. Вы, наверное, догадываетесь, что не Родион Щедрин, не Валерий Гергиев и даже не Святослав Бэлза пишут учебники «по музыке»⁷ для обыкновенных мальчиков и девочек, заполняющих классы общеобразовательных школ. Их пишут совсем другие люди, о заслугах которых на музыкальном, как, впрочем, и на педагогическом поприще, нам ничего не известно.

Хочется вспомнить возмущение спикера Совета Федерации по поводу неспособности сенаторов исполнить Гимн России на открытии осенней сессии 2007 года⁸. Очевидно, невдомек Сергею Миронову, что наши государственные мужи испытывали затруднения не только из-за незнания слов Гимна, но и его мелодии. Следует заметить, что учиться петь хором, как, впрочем, и получать знания в некоторых областях, а также приобретать некоторые навыки, или, как теперь принято говорить, «компетенции», лучше всего именно в школьные годы. И без школы, как в широком, так и в узком смысле этого слова, тут не обойтись. Мы говорим об этом не потому, что в русской школе до известного времени хоровым пением занимались весьма серьезно, а потому, что есть опасения, не лишенные оснований, что по такой же схеме может осуществляться «внедрение» духовно-нравственной культуры как образовательной области в рамках стандарта общего среднего образования нового поколения.

Справедливо спросить – на чем же эти опасения зиждутся? Попытаемся ответить.

Недавно под грифом Российской академии образования была опубликована брошюра, озаглавленная «Концепция образовательной программы “Духовно-нравственная культура”»⁹. Ее автор А. Я. Данилюк – член-корреспондент РАО, из чего следует, что появление такой публикации не относится к событиям случайным. С величайшим интересом мы приступили к изучению текста этой брошюры, ведь о необходимости сотрудничества с Церковью в деле разработки новой образовательной области неоднократно говорилось и представителями РАО, и руководством Минобрнауки России. Очень скоро, буквально в самом начале брошюры, мы обнаружили такой абзац: «Православие – это религия сердца, а не ума, оно отдает приоритет спасению души, оно всегда с недоверием относилось к книжной учености и человеческой мудрости. Воспитание новых поколений россиян в православном духе преуменьшит в их сознании ценности образования и науки»¹⁰.

Для человека, которого учили с детства с уважением относиться к чужим взглядам, остается одно – сказать, что написанное автором брошюры есть ложь и грубейшее искажение смысла Православия.

В рамках этого краткого выступления мы не собираемся анализировать все то, что написано в упомянутом издании. Если потребуется, это будет сделано отдельно. Скажем лишь, что у всякого здравомыслящего человека, независимо от его религиозных взглядов, утверждение автора о том, что «объем учебного времени, отводимого на изучение той или иной религии, должен соответствовать ее реальному вкладу в культурно-историческое развитие российской цивилизации»¹¹, вызывает вопрос: «А каким образом этот “вклад” можно измерить?» Что же касается верующих людей, то заявление о том, что «преподавание в рамках регионального (национально-регионального) компонента таких предметов, как “основы православной культуры”, “основы исламской культуры”, “основы буддийской культу-

ры” формирует разные религиозно-культурные идентичности, вступающие к тому же в конфликт (не друг с другом, как можно было бы предположить! – *протоиерей Б. Д.*) с научным мировоззрением школьников, учителей и родителей»¹², не только покажется оскорбительным, но и вызовет у них целый ряд справедливых возражений.

Действительно, в современной России живет много людей, которые плохо разбираются в вопросах, связанных с религией. Некоторые из них не знают почти ничего о Православии или имеют о нем самые искаженные представления. Кроме того, немалое число граждан России считают несовместимыми религиозные и научные взгляды. Хочется спросить – почему из числа именно этих людей выдвигаются «специалисты» в вопросах духовно-нравственной и религиозной культуры, подобные автору упомянутой нами брошюры? Какая таинственная сила влечет их на неведомое им поприще? В чем скрыт невидимый механизм, заставляющий их говорить о совершенно неизвестных им вещах? Ведь среда, генерирующая предраскладки и мировоззренческие клише, выработанные в эпоху безбожия и воинствующего атеизма, казалось бы, утратила свою питательность.

Во всех областях научной и культурной деятельности современной России трудятся люди, стоящие на самых различных мировоззренческих и религиозных позициях. Среди них немало православных людей, чьи знания и заслуги признаны современниками и не нуждаются в регулярном подтверждении. Они, являясь частью православного сообщества, чадами Церкви Христовой, совмещают религиозное и научное мировоззрение и в своем профессиональном служении, и в своей повседневной жизни. Среди них врачи, педагоги, инженеры, литераторы, ученые естественники и гуманитарии, художники и музыканты, военные. Все они хотят, чтобы российская школа в начавшемся тысячелетии учла свои прежние ошибки, результаты которых испытали на себе многие из нас, а все лучшее, что было в ее практике на протяжении столетий, использовала с максимальной эффективно-

стью. Для православного сообщества современной России представляется желательным сотрудничество школы и Церкви и в деле образования, и в деле воспитания. Именно в связи с этим следует заметить, что факт наличия отечественной богословской и церковно-исторической науки, являясь всемирно признанным еще с середины XIX века, не требует доказательств.

Для православных граждан России очевидно, что многообразную работу, связанную с подготовкой школьных курсов православной культуры, не смогут выполнить на достойном уровне «привлеченные лица». Мы не собираемся свое право обращаться к сидящим за школьной партой и принадлежащим к различным религиозным традициям детям делегировать ли-

цам, пытающимся с высоты «лжеименного разума», рядящегося в одежды так называемой объективной науки, говорить о религиях вообще или сравнивать их между собой. Мы хотим говорить в школе о православной культуре. Эта задача в нашей стране стоит перед Русской Православной Церковью, и, как нам представляется, для ее решения сегодня имеется достаточный интеллектуальный потенциал.

Памятуя слова выдающегося отечественного ученого-богослова Н. Н. Глубоковского о том, что «светильник богословского ведения достоин сиять не в затворе сословности, но в святилище высшего общечеловеческого знания»¹³, постараемся, вопреки предрассудкам, дать юным россиянам возможность увидеть его неискаженный свет еще *в начале жизни*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Святого Иустина Апология I, представленная в пользу христиан Антонину Благочестивому // Антология: Раннехристианские отцы Церкви. Брюссель, 1978. С. 272.

² Одному из блистательных мыслителей ушедшего века Григорию Ландау принадлежит лаконичное высказывание по этому поводу: «Мусор должен быть или выметен, или – сделан реликвией». См.: *Ландау Г. А.* Эпиграфы (Берлин, 1927 – Париж, 1930) / Редакция и послесловие Федора Полякова. М., 1997. С. 7.

³ Особо убедительно это показано на примере Вологодской области в материалах, собранных и обобщенных полковником В. А. Наволоцким.

⁴ См., например: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 584; Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 123.

⁵ *Мюллер Лудольф.* «Слово о полку Игореве» – произведение языческое или христианское? // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность»; Москва, 11–18 мая 1987 года. М., 1989. С. 270–272.

⁶ См., например, некоторые из этих пособий: *Бунеев Р. Н., Бунеева Е. В.* Литература. 6-й класс. («Год после детства»). Учебник в 2-х книгах. Изд. 2-е, испр. М., 2006; Путь к станции «Я». Учебник по литературе для 7-го класса в 2-х книгах. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.

⁷ Один из таких примеров – учебник «Музыка» для 5-го класса общеобразовательных

учебных заведений (авторы – Т. И. Науменко и В. В. Алеев; М., 2001). На его страницах – их всего 224 – в качестве музыкальных примеров приведены более 60 отрывков клавирных переложений фрагментов опер, вокальных и хоровых произведений, которые трудно воспроизвести даже выпускнику детской музыкальной школы по классу фортепиано. Между тем дети, обучающиеся по этому пособию, не изучали в своей школе даже основ нотной грамоты. Зато разговоров о музыке «вообще», представляющих пародию на методику и учебные программы Д. Б. Кабалевского, на страницах учебника предостаточно. В московских школах уроки музыки по этому учебнику ведут педагоги, в большинстве случаев не имеющие музыкального образования.

⁸ 19 сентября 2007 года.

⁹ *Данилюк А. Я.* Концепция образовательной программы «Духовно-нравственная культура» (1–11 класс общеобразовательной школы). М., 2007. 20 с.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Там же. С. 9.

¹³ *Глубоковский Н. Н.* Академические обеты и заветы: Из академических уроков за 1891–1918 учебные годы; Из автобиографических записок; Обращение к выпускникам, учащимся и наставникам Вологодской Духовной семинарии / Под общ. ред. протоиерея Бориса Даниленко и иеромонаха Петра (Еремеева). М. – Сергиев Посад, 2005. С. 40.